

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

НЕ МОЙ УРОВЕНЬ

Парадиз-Сити

Джеймс Чейз

Не мой уровень

«Азбука-Аттикус»

1983

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Не мой уровень / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1983 — (Парадиз-Сити)

ISBN 978-5-389-18826-6

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». Роман «Не мой уровень» (Not My Thing, 1983) относится к циклу «Парадиз-Сити». Сказочное богатство не принесло счастья Шерману Джеймисону: бездетный брак стал препятствием на пути к его мечте иметь наследника. Развод невозможен, но для решительного человека, настроенного заполучить желаемое любой ценой, нет непреодолимых препятствий.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18826-6

© Чейз Д. Х., 1983
© Азбука-Аттикус, 1983

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Хэдли Чейз

Не мой уровень

James Hadley Chase

NOT MY THING

Copyright © Hervey Raymond, 1983

All rights reserved

Серия «Звезды классического детектива»

Перевод с английского Елены Королевой

Серийное оформление и оформление обложки Валерия Гореликова

© Е. А. Королева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава первая

Мужчина лет сорока, высокий, красивый, с темными вьющимися волосами, остановился в дверном проеме элитного игорного зала казино Парадиз-Сити. Одетый в безукоризненный костюм оттенка «белая ночь» и темно-синюю рубашку с кроваво-красным галстуком, он внимательно оглядел зал.

Часы показывали половину одиннадцатого. Зал, в котором стояло всего три стола с рулеткой, предназначался для игры по-крупному. Самая маленькая ставка составляла пятьсот долларов, поэтому туристы и мелкие игроки держались отсюда подальше. Это изысканно украшенное помещение предназначалось для жителей Парадиз-Сити, штат Флорида, и было настоящей игровой площадкой миллиардеров.

Высокий мужчина, которого звали Джулиан Лукан, также известный в мире криминала под кличкой Счастливчик¹, одобрительно кивнул. Где-нибудь в этом зале найдется женщина, способная удовлетворить его жажду денег.

Лукан специализировался на дамах среднего возраста и на пожилых вдовицах, у которых денег было больше, чем здравого смысла. Он жил на широкую ногу. Если уж ему приходилось ложиться в постель с какой-нибудь жирной старухой, то он выкладывался по полной, позволяя ей испытать напоследок острые ощущения, однако всегда требовал справедливого вознаграждения, неизменно высокого.

В Парадиз-Сити он пробыл уже три дня. Как бы дорого ни обходились его услуги, он вечно был на мели. Впрочем, это его не беспокоило. Лукан ни в чем себе не отказывал и играл на скачках. Ведь деньги существуют для того, чтобы их тратить. До сих пор всегда удавалось найти какую-нибудь щедрую старуху, однако за последние три дня ему не попалось ни одной достаточно богатой, чтобы расточать на нее свое обаяние. Но Лукан был оптимистом. Надо всего лишь проявить терпение и поболтаться в обществе, однако он сознавал, что его финансы поют романсы. И дернул же черт поставить пять тысяч на клячу, пришедшую последней!

Сияющими голубыми глазами он изучал женщин, сидевших за столами. Может, вон та толстуха с подсиненными волосами, сплошь увешанная бриллиантами? Или эта тощая старушечка, которая делала подтяжку лица не меньше пяти раз, – на ней такие интересные рубины и изумруды. Обе женщины, кажется, просто томились от скуки и одиночества, передвигая по столу фишки стоимостью в тысячу долларов. Сигналом к действию станет момент их выигрыша, тогда они придут в благостное расположение духа. Лукан прошел в зал, вынул золотой портсигар, подаренный ему одной французской графиней, выбрал сигарету и прикурил от золотой, инкрустированной алмазами зажигалки, которую преподнесла ему некая престарелая румынская миллионерша.

– Мистер Лукан, если не ошибаюсь?

Лукан оцепенел. Мужской голос, отрывистый и жесткий. Он быстро обернулся и увидел перед собой крепко сбитого мужчину одного с ним роста: на вид около пятидесяти, черные, коротко стриженные волосы с проседью, резкие черты лица и холодные серые глаза.

По роду деятельности Лукан научился разбираться в мужчинах и женщинах, и он моментально понял, что перед ним стоит человек из категории «большая шишка». И дело было не только в холодном, суровом лице – темный костюм на этом человеке, должно быть, обошелся в баснословную сумму. Лукан с раздражением признал про себя, что на фоне этого костюма,

¹ Шутка Чейза. Имя героя перекликается с именем знаменитого гангстера Чарльза Лучиано по прозвищу Счастливчик (1897–1962). Лучиано получил свою кличку, когда чудом выжил, избитый до полусмерти членами конкурирующей группировки. Герою Чейза подобное вряд ли грозит, у него другая специализация и не тот уровень.

белой рубашки из тонкого полотна и расписанного вручную галстука в сдержанных тонах сам он имеет несколько плюгавый вид.

Он придал лицу наглое выражение, стараясь выдержать пронзительный взгляд незнакомца, но в итоге ему пришлось отвести глаза.

– Да, я Лукан, – подтвердил он. – Кажется, мы не встречались раньше.

– Мистер Лукан, хочу предоставить вам на рассмотрение одно выгодное предложение, – продолжал мужчина. Голос его звучал тихо и жестко. – Не откажитесь выпить со мной.

Выгодное предложение!

Лукан насторожился. Он буквально ощущал запах денег, которым веяло от этого человека, однако не терял бдительности.

– Любопытно. – Он включил свою обворожительную улыбку, которая помогла соблазнить стольких престарелых дам, но его собеседнику это было как об стену горох. – А как ваше имя? Кто вы?

– Может быть, пройдем в бар, мистер Лукан? Там можно поговорить без помех.

И, развернувшись, незнакомец повел его из зала с рулеткой по короткому коридору в пустынный в эту минуту бар.

Лукан последовал за ним, словно хорошо выдрессированная собака.

Выгодное предложение.

Что ж, по крайней мере, послушать можно. Он не сомневался, что такой человек не станет тратить время на околичности.

Незнакомец выбрал столик в тускло освещенном углу, подальше от нескольких выпивох, которые заливали горечь проигрыша. Когда Лукан сел, появился бармен.

– Вы что пьете? – спросил незнакомец.

– Скотч. Спасибо.

– Два скотча, Чарльз. Двойных.

Незнакомец молча уставился куда-то в дальний конец бара. Лукан неловко заерзал, раздавил окуроч в пепельнице.

– Вы так и не представились.

Собеседник пропустил его слова мимо ушей, по-прежнему глядя куда-то в пустоту. Покосившись на него, Лукан ощутил, как нарастает смятение. «Ничего себе! – подумал он. – А этот парень действительно крут. И лицо у него как будто высечено из гранита». Лукан ерзал на стуле и испытал облегчение, когда бармен вернулся с напитками.

Как только бармен отошел, незнакомец развернулся и пристально посмотрел на Лукана. Его серые глаза стального оттенка как будто исследовали, неприятно ощупывали собеседника.

– Я все о вас знаю, Лукан, – заговорил человек тихим, жестким голосом. – Вы стервятник, который успешно охотится на глупых богатых старух. Вы лишены моральных принципов. Вы готовы на что угодно, если вам достаточно заплатить.

Лукан окаменел, багровея.

– Я понятия не имею, кто вы такой, – взорвался он, – но оскорблений я не потерплю ни от кого!

– Избавьте меня от этой чепухи! – отрезал незнакомец. – Мне нужен человек вроде вас, и плата высокая. Двести тысяч долларов.

Лукан чуть не охнул вслух. За двести тысяч долларов он готов сносить любые оскорбления. Он расслабленно откинулся на стуле.

– Звучит многообещающе, – признал он.

Незнакомец всматривался в лицо Лукана, и в его стальных глазах сквозило презрение.

– Хочу поручить вам избавить меня от жены.

Лукан расслабился окончательно. В прошлом он устроил более дюжины разводов, но получал за это сущие гроши по сравнению с тем, что обещал ему этот человек.

– Без проблем, – сказал он. – Вам нужен развод... я все сделаю.

– Вы невнимательны! – (От резкого тона Лукан снова напрягся.) – Я ни слова не сказал о разводе. Я сказал, что вы должны избавить меня от жены.

Лукан уставился в это жесткое, безжалостное лицо и ощутил дурноту.

– Кажется, я вас не понимаю, – проговорил он медленно.

– Я хочу, чтобы вы устроили моей жене несчастный случай со смертельным исходом, и за это я заплачу вам двести тысяч долларов наличными, – сказал незнакомец.

Несчастный случай со смертельным исходом!

«Он что, псих? – недоумевал Лукан. – Он признается, что замыслил убийство своей жены!»

– Кажется, я не улавливаю суть. Я не понимаю, о чем вы говорите, – произнес он дрогнувшим голосом.

Незнакомец сердито сверкнул глазами:

– Куда уж проще. Я хочу, чтобы вы организовали несчастный случай, в результате которого моя жена погибнет, и за это я дам вам двести тысяч долларов.

Лукан сглотнул ком в горле.

– Вы... вы предлагаете мне убить вашу жену за двести тысяч?

Невероятно!

– Ну наконец-то, Лукан, до вас дошло, что я вам предлагаю, – сказал незнакомец.

Первым движением Лукана было вскочить с места и покинуть бар, однако врожденная алчность удержала его.

Двести тысяч долларов!

«Не пори горячку, – сказал он себе. – Выслушай, что еще скажет этот человек. Соскочить всегда можно».

– Что ж, такого я не ожидал, – признался он, вынимая носовой платок и утирая вспотевший лоб. Затем он залпом проглотил весь скотч. – Так вы серьезно?

– Нечего тянуть резину! – отрезал незнакомец, раздраженно дернувшись. – Я сделал предложение. Отвечайте либо «да», либо «нет»!

Живой, хитрый ум Лукана заработал. Замышляется убийство, и он не собирается ввязываться в подобное дело. Глупые богатые старухи – да, убийство – нет! Но все-таки от такой суммы нельзя просто так отмахнуться. Эти деньги покроют все его карточные долги, позволят остаться в этом роскошном городе на весь сезон и забыть о жутких старухах.

– Так да или нет? – повторил незнакомец.

Лукан колебался, затем осторожно произнес:

– Думаю, я смогу вам помочь.

Первый раз с момента их встречи незнакомец улыбнулся, криво и мрачно.

– Поразительно, – проговорил он вполголоса, – чего только нельзя купить за деньги!

Лукан почти не слушал его. Его мозг трудился на пределе. Среди его многочисленных знакомцев из криминального мира было несколько человек, готовых без колебаний пустить в расход кого угодно, если предложить хорошую цену. Он выступит посредником, возьмет себе часть вознаграждения, а потом забудет об этом деле.

Наконец успокоившись, он взглянул на собеседника, внимательно наблюдавшего за ним.

– Вы должны понимать, что подобного рода дела – не мой уровень, – сказал он, – но у меня имеются связи. Это можно устроить. Вы дадите мне пару дней, чтобы все взвесить?

– А вы должны понимать, – ответил незнакомец с угрозой в голосе, – что дело необходимо выполнить безупречно. Убедительный несчастный случай со смертельным исходом, не вызывающий никаких подозрений. Да, пару дней я вам дам. Я жду от вас безукоризненный план, чтобы комар носу не подточил. Вы где остановились?

– В мотеле «Звезда».

– В таком случае послезавтра встретимся там в одиннадцать утра. Жду от вас план, который меня удовлетворит. – Незнакомец поднялся. – Доброй ночи.

С этими словами он стремительно вышел из бара и скрылся из виду.

Лукан выждал три минуты, затем, покинув бар, подошел к выходу из казино.

Швейцар тронул свою шляпу:

– Подать вашу машину, сэр?

Лукан извлек из бумажника десятидолларовую купюру.

– Нет, спасибо. – Он сложил банкноту пополам. – Кто был тот высокий джентльмен, который только что вышел? Кажется, я его узнал.

– Ну конечно, это же мистер Шерман Джеймисон, – ответил швейцар, не отрывая взгляда от купюры.

– Я так и подумал, что это он.

Деньги сменили владельца, после чего Лукан поспешил на парковку, сел во взятый напрокат двухсотый «мерседес» и выехал на бульвар.

А на парковке казино, предназначенной для особых клиентов, поглощенный своими мыслями Шерман Джеймисон уселся в «роллс-ройс» модели «Серебряный призрак».

Начало операции положено, думал он. Теперь лишь предстоит убедиться, что этот человек сможет найти решение проблемы.

Он признался самому себе, что иметь дело с Луканом, этим алчным, изворотливым жиголом, ему неприятно, но выбирать не приходилось. Среди его знакомых не было потенциальных киллеров, хотя он не сомневался, что таких людей на самом деле немало. Придется зависеть от Лукана, который вполне подходит в качестве посредника и, кажется, уверен, что сумеет найти нужного человека. Похоже, одна богатая старуха была права, когда бросила в сердцах, что «этот негодяй за деньги готов на что угодно».

Джеймисон мысленно отметил, что при общении с Луканом следует соблюдать крайнюю осторожность. Но хотя бы месяц в запасе у него имеется. План должен быть идеальным: никакого полицейского расследования, не вызывающий сомнений несчастный случай со смертельным исходом. Никаких шероховатостей. Через два дня он выяснит, способен ли Лукан разработать подходящий план, а затем, разумеется, придется быть осторожным вдвойне.

Его мысли переключились на жену Шэннон. Они прожили в браке уже восемь лет. В ее приходную статью он вписал бы то, что она привлекательная блондинка и великолепная хозяйка, а это важно, когда у тебя деловые связи. Оба их дома она вела безупречно, управляя персоналом твердо, но доброжелательно. Она была любящей и добросердечной. В постели вполне удовлетворительна: всегда отвечала согласием, когда он хотел ее. Однако ее расходная статья сильно перевешивала.

У Джеймисона была навязчивая идея – занять сына. Он женился на Шэннон, когда ему уже исполнилось сорок. Он унаследовал от отца «Компьютерную корпорацию Джеймисона», значительно расширив и укрепив ее. И он мечтал, чтобы огромное королевство, которое построили они с отцом, перешло к его сыну. «Пусть компания всегда остается в семье», – часто повторял его отец. Джеймисон хотел сына, чтобы направлять его, учить, сделать таким же успешным, как он сам. А когда Джеймисон чего-то хотел так сильно, он делал все, чтобы добиться этого любой ценой.

За последние шесть лет у Шэннон случились три выкидыша. Ни в одном из них не было ее вины. Она была до крайности осторожна, но они происходили. И с каждым новым выкидышем Джеймисон испытывал к ней все большую неприязнь. А потом, в прошлом году, показалось, что у них все получится. Но на седьмом месяце беременности Шэннон оступилась и упала на лестнице. Ее спешно доставили в больницу. Ребенок родился мертвым... сын.

Джеймисон, глядя на крохотное мертвое тело, был охвачен отчаянием, гневом и разочарованием. Он едва мог смотреть на жену. На следующие две недели он совершенно отстранился от нее, отправившись по делам в Лондон и Париж. Шэннон проконсультировалась с лучшими специалистами, и те заверили ее, что это какая-то необъяснимая игра природы и ничто не мешает ей родить сына. Более того, они уверены, что она сможет родить. Благоклонно улыбаясь ей, они говорили, что нужно набраться терпения и попробовать еще раз. Она уговорила их написать об этом Джеймисону, но тот не был впечатлен.

То был первый жирный минус, выставленный Шэннон.

Второй минус, не такой жирный, но все же минус, был поставлен за то, что Шэннон была ревностной католичкой. Джеймисон считал себя агностиком, и, когда они поженились, он принял тот факт, что она воспитана в католической вере, просто пожав плечами. На деле же это означало, что Шэннон каждое утро отправляется к мессе, и это быстро ему надоело, его выводило из себя, что свою религию она предпочитает завтраку с ним.

Еще он выяснил, что она довольно талантливая музыкантша, играет на виолончели и желает участвовать в разнообразных музыкальных фестивалях и присутствовать на многочисленных концертах в Нью-Йорке. Любая музыка нагоняла на Джеймисона тоску, поэтому Шэннон моталась по бесконечным концертным залам в одиночку, оставляя его в привычном водовороте коктейльных вечеринок и ночных клубов, где он часто проводил переговоры с заезжими бизнесменами. Трещина, которую дал их брак, стремительно расширялась.

И однажды вечером, когда Джеймисон присутствовал на полуделовом коктейле, а Шэннон в концертном зале была поглощена трио-сонатой Баха, он познакомился с Тарнией Лоуренс.

Он разговаривал с президентом одного важного банка, порядком заскучав от глупой болтовни этого старика, а потом, поглядев мимо него, увидел высокую темноволосую женщину, которая только что пришла. Она остановилась в дверях, хозяин вечеринки заторопился ей навстречу, а Джеймисон рассматривал ее со все нарастающим интересом.

«Боже! – думал он. – Вот это женщина!»

Безукоризненная в своем простом вечернем платье, которое, должно быть, стоило кругленькую сумму, она показалась ему самой прекрасной женщиной, какую он когда-либо видел, а от изгибов ее фигуры кровь в нем забурлила.

Президент банка говорил:

– Экономический климат, похоже, неуклонно ухудшается...

– Да. – Голос Джеймисона прозвучал резко. – Вы знаете, кто эта женщина?

Изумленно вздрогнув, президент обернулся:

– А, да, конечно. Это мисс Тарния Лоуренс. Она наша клиентка.

– В самом деле? – продолжал Джеймисон, не сводя глаз с гостьи, пока хозяин вел ее через зал к группе других гостей. – Кто она такая? Чем занимается?

– Мисс Лоуренс – самый удачливый дизайнер верхней одежды из работающих сейчас на рынке. Дела у нее идут на изумление хорошо. Я все советую ей преобразовать компанию в открытое акционерное общество, но пока что она сомневается. Но если она когда-нибудь решится, советую вам, Джеймисон, прикупить пакет акций.

– Неужели все настолько хорошо? – удивился Джеймисон, приклеившись взглядом к длинной стройной спине и идеальной укладке.

– Да, настолько. – Президент просто сиял. – Она держит три процветающих бутика и небольшую фабрику. А цены у нее... – Он закатил глаза. – Моя жена меня просто разоряет.

– Я бы хотел познакомиться с ней, – сказал Джеймисон, чувствуя, как учащенно забилось сердце.

– Запросто, – ответил президент.

Однако «запросто» не получилось, потому что гостья разговаривала с толстым гомиком с розовыми волосами, и их оживленная негромкая беседа длилась, как показалось Джеймисону, целую вечность, пока они с президентом дожидались своей очереди.

– Мисс Лоуренс приходит на эти коктейли только ради бизнеса, – шепотом сообщил президент. – Было бы нехорошо прерывать ее. Этот жуткий тип – один из самых модных закройщиков.

– Я могу подождать, – сказал Джеймисон, изучая гостью.

Он решил, что ей не больше тридцати. Он рассмотрел ее стройную фигуру и ее грудь. И снова ощутил бурление в крови. Да! Вот это женщина!

Президент опять залопотал какую-то ерунду о грядущей рецессии, однако Джеймисон не слушал. Он ждал, пытаясь вспомнить, когда последний раз ему приходилось кого-то ждать.

Наконец Тарния похлопала гомика по плечу и развернулась.

– Мисс Лоуренс, – быстро заговорил президент, – разрешите представить вам Шермана Джеймисона.

Имя Шермана Джеймисона, одного из богатейших и самых успешных компьютерных магнатов, было хорошо известно.

На мгновение Тарния нетерпеливо нахмурилась, но затем улыбнулась.

«Господи! – думал Джеймисон. – Что за улыбка! Какая женщина!»

Она взглянула на него.

Когда они обменялись взглядами, Джеймисон понял, что не только он в это мгновение влюбился в нее, но и, судя по тому, как внезапно засияли ее глаза, она тоже влюбилась в него.

Такое случается очень редко, но все же иногда мужчина и женщина, встретившись, мгновенно понимают, что повстречали свою подлинную половину. Именно такая удивительная химическая реакция произошла между Тарнией и Джеймисоном.

Повисла долгая пауза, пока они всматривались друг в друга, а затем Тарния негромко сказала:

– Приятно познакомиться, мистер Джеймисон. Очень жаль, что мне пора уходить. У меня столько дел.

Джеймисон плечом отодвинул в сторонку совсем ошалевшего президента.

– Я тоже как раз ухожу, – ответил он. – Позвольте, я отвезу вас, куда только пожелаете. Все это случилось год назад.

Тарния летала из Парадиз-Сити в Нью-Йорк дважды в неделю. Несмотря на занятость, Джеймисон умудрялся выкраивать время, чтобы ужинать с ней в одном неприметном ресторанчике. А оказываясь в Парадиз-Сити, они вели себя еще более осмотрительно.

Джеймисон объяснил Тарнии, что его жена ревностная католичка и, хотя он поднимал вопрос о разводе, жена упорно отказывается. Она согласна на раздельное проживание по постановлению суда, однако ни за что не пойдет против правил своей церкви и не даст ему развода.

Тарния понимала суть проблемы. Она знала, что, если останется с Джеймисоном, это обернется настоящей катастрофой, однако была поглощена им. Он притягивал ее словно магнит, силе которого она не могла сопротивляться.

Джеймисон тосковал по ней. Он хотел, чтобы она постоянно была рядом. А какая из нее получится чудесная мать для их будущего сына!

Спать с ним Тарния отказалась мягко, но решительно, и Джеймисон это уважал. Он понимал, что, если не женится на ней, с их волнительным тайным партнерством придется в итоге покончить.

Они часто сживали вдвоем в ее шикарной пятикомнатной квартире в Парадиз-Сити, где большое панорамное окно выходило на океан, пальмы и пляж. Они откровенно рассказывали друг другу о себе. Джеймисон был счастлив расслабиться в ее обществе и говорить о себе и о ней.

Он спросил, почему она до сих пор не вышла замуж. Ей ведь уже тридцать. Она сказала, что, по ее мнению, замужество и карьера плохо сочетаются, и Джеймисон согласился.

– Дела у меня идут хорошо, – сказала она Джеймисону. – Пришлось бороться жестко и упорно, но я победила. В молодости у меня был один роман... так, юношеская привязанность. Ну а теперь я работаю в основном с геями. – Она улыбнулась своей обворожительной улыбкой. – Никаких искушений, пока не появился ты.

А потом, две недели назад, он пережил потрясение. Они только что великолепно поужинали в морском ресторане, когда Тарния, такая красивая в лунном свете, сказала:

– Шерри, милый, мы обязаны посмотреть фактам в лицо. Так больше нельзя. Развод ты не можешь получить. Каждый раз, встречаясь с тобой, я страдаю. – Когда он начал возражать, она подняла руку. – Пожалуйста, выслушай меня. Сегодня утром мне позвонил Джузеппе, лучший римский кутюрье. Модные тенденции в Риме развиваются семимильными шагами. Умные и богатые женщины теперь одеваются исключительно в Риме. Джузеппе хочет, чтобы я стала его ведущим дизайнером. Это фантастическая возможность. Он предлагает мне баснословный заработок и оплату жилья, если я перееду в Рим. Он дал мне месяц на размышления.

Джеймисон слушал, сознавая, как неприятно трепещет сердце.

– Шерри, милый, я не могу и дальше поддерживать с тобой такие отношения, – продолжала Тарния. – Я просто погибаю. Я даже не в силах сосредоточиться на работе, потому что постоянно думаю о тебе. Поэтому прошу, Шерри, пойми меня. Пожениться мы не можем, а я должна думать о своем будущем. Я хочу, чтобы мы расстались. Мы сохраним дорогие воспоминания, но нам необходимо расстаться.

Джеймисон в прошлом пережил немало кризисных моментов, но этот был настолько неожиданным и ужасным, что один долгий миг он не мог выговорить ни слова. А затем его жесткий, безжалостный разум заработал.

– Разумеется, я понимаю, – произнес он, и его лицо при этом оставалось совершенно бесстрастным. – Перед тобой открывается возможность блестящей карьеры. Но прежде чем мы примем окончательное решение, я хочу задать один вопрос. – Он подался вперед, глядя ей прямо в глаза, и взял ее за руку. – Если бы я был волен жениться на тебе, ты была бы готова отказаться от карьеры, стать матерью моих детей, заниматься домом и сопровождать меня в деловых поездках? Чувствовала бы ты себя при этом счастливой?

Она долго смотрела на их сплетенные руки, затем перевела взгляд на его лицо и улыбнулась:

– Да, Шерри. Я бы все бросила и была счастлива с тобой, и мне очень хочется родить тебе детей. – Она отняла у него руку. – Такие вот дела. Но это невозможно, поэтому прошу тебя, забудь обо мне, а я забуду о тебе.

Джеймисон кивнул.

– Дай мне месяц, – попросил он. – Мне кажется, что Шэннон понемногу начинает меня понимать. Думаю, я смогу ее уговорить. Просту, дай мне один месяц.

– Шерри, ты же понимаешь, что строишь сейчас воздушные замки, – мягко произнесла Тарния. – Воздушные замки недолговечны. Ты не сможешь жениться на мне, и я должна сама о себе позаботиться. Давай поставим на этом точку.

– Но ты дашь мне месяц? – спросил Джеймисон, поднимаясь из-за стола.

Она колебалась, но затем кивнула:

– Да, через месяц, считая с этого дня, я уеду в Рим.

– Договорились. – Он нежно коснулся ее лица, затем вышел.

Возвращаясь к своему «роллс-ройсу», он понимал, что выбора у него нет. Ему придется пойти на убийство Шэннон.

Счастливчик Лукан подъехал к офису «Парадиз-Сити геральд». Хотя время шло к полуночи, в окнах еще горел свет. В этот час свежий номер как раз сдавали в печать.

Прекрасно знакомый с этим местом, Лукан поднялся на пятый этаж, где в маленьком кабинете в дальнем конце коридора сидел Сидни Драйсдейл.

Драйсдейл вел в «Герольде» колонку светских сплетен. Этот человек всегда держал и нос по ветру, и ухо остро. Если он не знал чего-то об обитателях и гостях Парадиз-Сити, значит это не стоило внимания. У него было пять работников, которые постоянно снабжали его информацией, и его скандальную колонку охотно читали.

Коротко постучав, Лукан открыл дверь и вошел в кабинет, где за письменным столом сидел Драйсдейл, размышляя о чем-то и ковыряя зубочисткой во рту. Он был доволен тем, что очередная колонка отправилась в печать и сам он может теперь поужинать где-нибудь и поехать уже домой.

В прошлом Лукан много раз поставлял ему скандальные сплетни, и у них сложились деловые отношения. Драйсдейл всегда хорошо платил за каждый жареный факт, принесенный Луканом.

Драйсдейлу было около шестидесяти; невероятно толстый, лысеющий, он напоминал Лукану огромного жирного слизня, удобно устроившегося на капустной грядке. Небрежно одетый, с расстегнутым воротничком, в очках с толстыми линзами и с красным носом, Драйсдейл производил обманчивое впечатление мелкой сошки в «Герольде».

– Привет, Сид, – сказал Лукан, закрывая дверь.

Драйсдейл уставился на Лукана с наигранным интересом.

– Кого я вижу! Счастливчик! – воскликнул он. – А я думал, ты в тюрьме.

Лукан выдавил улыбку. Шуточки Драйсдейла его раздражали.

– Как жизнь, Сид?

– Что ты мне принес? – спросил Драйсдейл. – Я уже собрался домой.

Лукан уселся в кресло для посетителей, вынул свой золотой портсигар и протянул его Драйсдейлу.

Все знали, что Драйсдейл никогда ни от чего не отказывается. Он взял сигарету, с сомнением поглядел на нее, затем сунул в ящик стола.

– Я больше не курю, – сказал он. – Какой симпатичный портсигар! Что за старая кошелка тебе его подарила?

– Так я тебе и рассказал, – отозвался Лукан, обаятельно улыбаясь. – Сид, окажи мне услугу.

Драйсдейл поднял косматые брови.

– Никаких услуг, – твердо заявил он. – Если тебе нужно только это, проваливай. Я проголодался.

– А тебе интересно узнать, что дочка одного местного богача на этой неделе делает аборт?

Жирная физиономия Драйсдейла оживилась. Как раз новости подобного сорта питали его колонку.

– Расскажи мне, Счастливчик, – предложил он, поудобнее устраивая свою тушу в кресле.

– Я же сказал «услуга».

– Услуга за услугу?

– Ну да, ты понял.

– И что же ты хочешь?

– Все, что у тебя есть на Шермана Джеймисона.

Драйсдейл, по-настоящему встревожившись, уставился на него с разинутым ртом:

– Шерман Джеймисон! Да ты выжил из ума! Слушай, Счастливчик, я тебя не люблю, но ты человек полезный. Свяжешься с Джеймисоном – точно угодишь на нары.

– Да брось ты. Я всего лишь хочу немного разузнать о нем. Расскажи, какой он.

– Джеймисон? Он большая шишка, владелец «Компьютерной корпорации Джеймисона», которую оставил ему в наследство отец. Он жесткий, безжалостный и неприлично богатый. Я никогда не упоминаю его имя в своей колонке. Он может купить «Герольд» с той же легкостью, с какой ты покупаешь сигареты, поэтому я старательно обхожу его стороной, чего и тебе советую. У него в Нью-Йорке дорогая квартира. Дорогая вилла здесь. Он на короткой ноге с президентом и всеми крупными чиновниками в Белом доме. Он действительно важная персона и чертовски опасен.

Лукан, слушавший с неподдельным интересом, спросил:

– Насколько он богат?

Драйсдейл пожал плечами:

– Кто знает? Если сравнивать, я бы лично сказал, что рядом с ним покойный Онассис – сосунок.

«Господи! – думал Лукан. – Так это и правда Высшая Лига! И этот человек обратился к нему и хочет, чтобы он убил его жену! Человек, который стоит уйму денег!»

– Расскажи мне о его жене, Сид.

Драйсдейл снова разинул рот:

– О его жене? Ради бога, ты же не собираешься ее кадрить, правда? Я знаю, чем ты зарабатываешь, но это же просто глупо, а неприятностей потом не оберешься.

– Расскажи мне о ней, – повторил Лукан.

Драйсдейл пожал плечами:

– Шэннон Джеймисон? Она играет на виолончели. Она занимается домом Джеймисона, и она ярая католичка. О ней нечего рассказать. Сомневаюсь, что они с Джеймисоном хорошо ладят. Детей у них нет. Каждый раз, когда она беременеет, что-то идет не так. Я точно знаю, что Джеймисон мечтает о сыне. На свои концерты Шэннон Джеймисон ходит в одиночку. Джеймисону то ли медведь на ухо наступил, то ли еще что. – Он снова пожал плечами. – Лично мне от нее никакого проку – в новости она не попадает. Никаких скандалов. Никаких любовников.

– А Джеймисон? Он с кем-нибудь флиртует?

Драйсдейл засопел своим коротким, в красных прожилках носом:

– Если и да, то делает это крайне скрытно. Я знаю, что он часто видится с Тарнией Лоуренс, дизайнером одежды. Лакомый кусочек. Несмотря на многочисленные возможности, я так и не смог ничего на нее раскопать. Она работает, и весьма успешно. – Драйсдейл шевельнулся в кресле. – Это все, что ты хотел знать?

Даже больше, подумал Лукан. Надо многое обмозговать. Он снова включил свою обаятельную улыбку:

– Отлично, Сид. Большое спасибо. – Он поднялся на ноги. – Не хочу и дальше оттягивать твою встречу с ужином.

И он двинулся к двери.

– Эй! – рявкнул Драйсдейл. – Подожди-ка. Кто та цыпочка, у которой на следующей неделе аборт?

Лукан уставился на него с невинным видом.

– Одна из многих, я думаю, – заявил он бодро. – Откуда же мне знать? Пока.

И он ушел.

Лукан возвращался к себе в мотель «Звезда», погруженный в размышления.

Значит, этот Джеймисон, человек невероятного богатства и положения, хочет избавиться от жены! Предлагает двести тысяч долларов. Лукан фыркнул. Какие-то крохи. Конечно, соблазнительно получить такую сумму, но теперь он понимал, что, если Джеймисон настроен серьезно, это будет стоить гораздо дороже. Возможно, полмиллиона. Лукан довольно насвистывал себе под нос. Вот наконец-то настоящие деньги! Из того, что он узнал от Драйсдейла,

получается, что Джеймисон не может развестись, а он, наверное, нашел себе новую подружку. Такой крутой парень, как Джеймисон, не постоит за ценой, чтобы получить то, что хочет.

Действительно важная персона и чертовски опасен – так сказал Драйсдейл.

В это Лукан верил. Придется действовать осторожно. Но все равно, сделав ему подобное предложение, Джеймисон становится уязвимым.

Вернувшись в свой уютный номер в «Звезде», Лукан принял душ, переоделся в пижаму и забрался в постель. Все это время он не переставал размышлять.

Теперь, рассуждал он, необходимо найти киллера. Именно за это мне и платит Джеймисон.

Несчастный случай со смертельным исходом – так сказал ему Джеймисон. И чтобы выглядело убедительно. Никакого полицейского расследования, комар носу не подточит, очевидный несчастный случай.

Он вспомнил о нескольких профессиональных убийцах, с которыми был знаком в Нью-Йорке. Грубые, никакой утонченности. А потом он подумал об Эрни Клинге. Его охватило сомнение. Клинг был не просто профессионалом. Если верить слухам, Клинг отправил на тот свет по меньшей мере два десятка ненужных людей. Он был настоящий кудесник или, скорее, блистательный организатор. У полиции на него ничего не было. Он благополучно проживал в своей трехкомнатной квартире в деловой части Вашингтона. Лукан признался себе, что ему страшновато связываться с таким человеком, как Клинг. Он несколько раз встречал его в ночных клубах Нью-Йорка. Они выпивали вместе. И он чувствовал, что Клинг смертельно опасен. Этот человек точно не из круга Лукана, но он идеально подходит для дела Джеймисона.

Немного поколебавшись, Лукан вылез из кровати, вытащил телефонный справочник и нашел номер Клинга, снова заколебался, но затем набрал номер.

Шэннон Джеймисон проговорила ровно:

– Доктор уверяет меня, что у нас может быть ребенок. Последние четыре попытки были просто необъяснимой игрой природы.

Джеймисон невидящим взглядом смотрел на другой конец большой, роскошно обставленной комнаты. Его мысли были в основном с Тарнией. Он слушал Шэннон, пока ему не надоело.

– Прости, Шэннон, – произнес он севшим голосом. – Я хочу развод.

– Но, Шерман, мы же уже много раз об этом говорили. – В ее мелодичном голосе слышалось отчаяние. – Это невозможно. Пожалуйста, не поднимай эту тему снова.

– Я хочу развод и сына! – прорычал Джеймисон.

– У тебя другая женщина?

– Разумеется! Мне нужен развод!

– Мне жаль тебя, Шерман. Тебе почти пятьдесят. В этом возрасте мужчины часто ищут что-нибудь новое. Я была тебе хорошей женой и хозяйкой. Если хочешь получить право раздельного проживания по суду, я согласна, но развод моя религия не признает.

Джеймисон развернулся, сверкая на нее глазами:

– К черту твою религию! Я хочу развод!

Шэннон внимательно смотрела на него, лицо ее побелело и осунулось.

– Надеюсь и молюсь, чтобы ты говорил сейчас сгоряча, – сказала она. – Развода не будет. Живи со своей женщиной. Если нужно официальное раздельное проживание, скажи, но развода не будет.

Джеймисон продолжал испепелять ее взглядом.

– Ты это серьезно?

– Шерман, дорогой, ты же знаешь, что серьезно. Пойдем в постель. У нас все еще получится. Пойдем, милый, попытаемся.

Джеймисон осушил бокал и с угрожающим звяканьем поставил его на стол. Его мысли были теперь только о Тарнии.

– В постель с тобой? Убирайся с глаз моих! Хватит с меня. Я хочу развод!

Повисла долгая пауза, затем Шэннон направилась к двери.

– Когда захочешь, чтобы я уехала, скажи, – проговорила она тихо. – Я помолюсь за тебя.

Джеймисон услышал, как мягко захлопнулась дверь, затем услышал, как Шэннон медленно поднимается по лестнице.

Он был так разозлен, так охвачен отчаянием, что проговорил вполголоса:

– Что ж, религиозная дура, ты подписала себе смертный приговор!

Глава вторая

Эрни Клинг был так похож на киноактера Ли Марвина, что зачастую его останавливали на улице трепещущие от волнения матроны и, заливаясь румянцем, просили у него автограф.

Его ответ был неизменным:

– Я расписываюсь только на чеках. – И, грубо отодвинув их в сторону, он уходил прочь.

Клинг считал, что жить нужно в роскоши. Он купил небольшую, на две спальни, шикарную квартиру в центре Вашингтона, где устроил себе логово. Он отсиживался там, словно злобный голодный тигр, дожидаясь выхода на охоту. У него были давние связи с мафией, для которой он служил наемным убийцей-гастролером. Он получал указание отправиться куда-нибудь в Мексику или Канаду и пустить в расход того, кто начал причинять заказчику неудобства. За долгие годы он приобрел репутацию надежного профессионала высокого класса. Работу он выполнял так, что у полиции никогда не возникало никаких подозрений. Мафия неоднократно поручала ему конфиденциальные дела: богатая дама хотела избавиться от мужа; богатый господин хотел избавиться от подружки, которая попыталась его шантажировать. «Окажи услугу, Эрни», – произносил обычно голос в телефонной трубке.

Клинг никогда не брался за убийство меньше чем за несколько сот тысяч долларов плюс текущие расходы, а поскольку в среднем ему поступало по три заказа в год, он мог позволить себе жить на широкую ногу.

Он тратил деньги на одежду и шикарные рестораны. Женщины его не волновали. Когда ему хотелось женщину, а это случалось крайне редко, он пользовался высококлассными девочками по вызову. Он предпочитал рыжих, чуть полноватых и обходился с ними так, что даже они, закаленные профессионалки, порой заливались слезами.

Клинг не питал почтения к человеческой жизни, за исключением своей собственной. Мужчина, женщина, ребенок – они были для него всего лишь статьей дохода, если только сумма была достаточно велика.

Чернокожая женщина, которая убирала его квартиру, стирала ему белье и готовила кошмарную еду, не устраивала его, и он задумывался, кем бы ее заменить. Ему надоело каждый вечер ужинать вне дома. Он любил хорошо поесть, и здесь ему повезло: он не толстел, сколько бы ни ел. Ему захотелось, чтобы его хозяйство вел человек, на которого можно положиться без оглядки, кто не стал бы подслушивать его телефонные разговоры, не трещал бы над ухом, когда он отдыхал, и еще готовил бы сносную еду.

Примерно полтора года назад Клинг натолкнулся на Нго Ви, молодого вьетнамца, умиравшего с голоду, оборванца в драных джинсах и грязной толстовке. Юноша попросил у него милостыню, сказав, что не ел уже три дня. Случилось так, что Клинг пребывал в благостном настроении после отличного ужина, обильно сдобренного скотчем. Ему понравился внешний вид молодого человека, хоть тот давно не мылся. Вьетнамец был среднего роста, тонкий как трость, с большими темными глазами, светившимися интеллектом. Клинг тут же принял решение, и, оглядываясь назад, он говорил себе, что это было самое лучшее из спонтанных решений в его жизни.

Он отвел Нго в замызганный вьетнамский ресторан и принялся наблюдать, как тот ест, словно изголодавшийся волк. Нго нервно поглядывал на него, не понимая, что движет этим высоким, седоволосым и так хорошо одетым господином, к суровой личности которого он немедленно проникся почтением.

Проглотив несколько тарелок сытной вьетнамской еды, Нго стал жевать медленнее. До сих пор этот высокий господин не произнес ни слова. Он курил и изучал Нго цепким взглядом стальных глаз.

Наконец Нго тихо произнес:

– Прошу прощения, сэр, вы так ко мне добры, но только я не гей и не наркоман. Я просто не могу найти работу.

– Расскажи мне о себе.

Нго быстро изложил свою историю. Его мать вьетнамка, отец, которого он не знает, был сержантом армии США, но он исчез, когда мать Нго забеременела. Она зарабатывала на жизнь какие-то крохи, продавая горячую еду на улицах Сайгона. В итоге она решила влиться в поток беженцев, текущий в Штаты. К тому времени Нго было уже шестнадцать. Он получил кое-какое образование – ему повезло, потому что один американский священник, католик, помог ему научиться читать и писать по-английски. Нго был способным учеником, и он работал до изнеможения, чтобы добиться успеха. Они с матерью надеялись, что все наладится, когда они приедут в Штаты, однако оказалось, что выживать здесь отчаянно трудно. Мать получила низкооплачиваемую работу во вьетнамской прачечной. Нго все искал и искал работу, но никто не хотел его брать. Спустя год прозябания, когда мать билась, чтобы прокормить их обоих и оплачивать комнатку, которую им повезло найти, Нго понял, какой обузой, каким бесполезным грузом на шее матери он висит, он видел, что она уже начинает страдать от недоедания, ведь ей приходилось кормить еще и его. Он понимал, что без него ей будет легче справиться. Ничего ей не сказав, он ушел жить на улицу. И вот уже три дня он отчаянно метался в поисках работы, пусть самой грязной, но все без толку. Пав духом, он решил, что это конец.

Слушая и разглядывая Нго, Клинг решил, что у этого юнца есть все необходимое, чтобы сделать из него того слугу, какого он искал: он будет вести его дом, выполнять его поручения и хранить ему верность.

– Ладно, парень, – сказал он, – у меня есть для тебя работа. – Он вынул бумажник и достал две стодолларовые бумажки. И еще свою визитку. – Приведи себя в порядок. Купи новую одежду, а потом приходи ко мне по этому адресу, послезавтра, к одиннадцати утра.

У Клинга ушло всего несколько дней на то, чтобы выучить Нго всему, чего он хотел и ждал от него. Нго все схватывал на лету. Он был прирожденный слуга: незаметный, готовый явиться по первому зову, сидевший в кухне, когда Клинг занимался своими делами или разговаривал по телефону. Квартиру Нго содержал в безукоризненной чистоте. Спустя какое-то время Клингу поступил звонок с предложением работы на Ямайке. Ему требовалось уехать на три недели. Он без малейших колебаний оставил Нго присматривать за квартирой. Объяснил, что его не будет какое-то время.

Нго кивнул:

– Нет проблем, сэр. Я приглажу за домом.

Клинг платил юноше сто долларов в неделю, обеспечив его крышей над головой и питанием. Когда Клинг отбыл, Нго отправился навестить мать. Он рассказал ей, как ему повезло, и дал ей сто долларов.

– Стань незаменимым, сынок, – посоветовала она. – Научись готовить. А я покажу тебе, как стирать и гладить одежду.

Признавая мудрость совета, Нго поступил на вечерние кулинарные курсы. Мать научила его правильно утюжить дорогие и тонкие сорочки Клинга. И снова он схватывал все на лету. Даже пока Клинга не было, Нго никогда не заходил в его роскошную гостиную. Он или сидел в кухне, штудировав английский, или же, по вечерам, смотрел телевизор у себя в спальне.

По возвращении Клинг был приятно удивлен, обнаружив, что его ждет горячий ужин: отлично приготовленное тушеное мясо. Еще он с радостью отметил, что никогда его квартира не выглядела опрятнее.

– А знаешь, парень, – воскликнул он, – ты стал отменным поваром!

– Спасибо, сэр, – ответил Нго. – Я брал уроки. Пожалуйста, заказывайте, что приготовить завтра.

Клинг широко улыбнулся:

– Выбор оставляю за тобой, если будет так же вкусно, как сегодня. – Он вынул из кармана толстый рулон стодолларовых банкнот, вытащил три и пододвинул их по столу. – Это тебе на домашние расходы. Сам сообразишь, куда потратить.

– Да, сэр, – сказал Нго, глядя на своего высокого, стройного господина полными обожания глазами.

Когда он убрал со стола и снова скрылся в кухне, Клинг закурил сигарету и расслабленно раскинулся в кресле. Ему удалось заарканить этого сукина сына, подумал он. «Боже! Как же здорово, что я его подобрал! Он именно тот, кого я всегда надеялся найти».

Спустя еще пару недель Клингу довелось осознать, насколько на самом деле ценен для него Нго.

Он отправился на ужин с друзьями, оставив Нго в квартире одного, сказав, что вернется к полуночи и чтобы тот его не ждал. Разумеется, для Нго это было немыслимо. Как бы поздно ни возвращался Клинг, Нго всегда его дожидался, готовый подать кофе или напиток со льдом.

Примерно в половине двенадцатого вечера в дверь позвонили. Нго открыл и тут же получил яростный тычок, от которого отлетел назад.

В квартиру быстро вошел крепко сбитый человек в поношенном спортивном пиджаке и засаленной шляпе и закрыл за собой дверь. В правой руке он сжимал автоматический пистолет 38-го калибра.

Поднявшись на ноги, Нго взглянул на него без всякого выражения.

– Где Клинг? – прохрипел человек.

– Он вышел, сэр.

– Когда он вернется?

– Я не знаю, сэр.

Человек оглядел его и недобро ухмыльнулся:

– Значит, теперь он перешел на мальчиков. Ладно, я подожду. Убирайся с моих глаз. Просто держись подальше, и с тобой ничего не случится.

– Да, сэр. – Нго бросил взгляд на оружие, затем посмотрел на пылающее пьяным румянцем лицо визитера. – Прежде чем я уйду, могу я предложить вам выпить, сэр?

Человек тяжело плюхнулся в одно из кресел, развернутых к двери:

– Да, сладкий мальчик... скотч.

– Хорошо, сэр. – Нго подошел к бару, смешал с содовой крепкий скотч и добавил лед. – Так вам нравится, сэр?

Визитер взял стакан, пригубил напиток и кивнул.

– Знаешь, зачем я здесь, ты, мелкий членосос?

– Нет, сэр.

– Этот ублюдок Клинг убил моего брата. И вот я пришел сюда, чтобы нашпиговать его вонючее брюхо свинцом. А теперь проваливай!

– Хорошо, сэр.

Нго поклонился и беззвучно удалился в кухню.

Незванный гость поудобнее устроился в кресле и оглядел квартиру.

«А этот ублюдок умеет жить, – подумал он. – Ну ничего, конец уже близко. Как только зайвится, я ему покажу». Он допил скотч и злобно зашвырнул стакан через всю комнату, разбив о стену. «Приятно будет посмотреть на его харю, когда он увидит меня!»

Он просидел в кресле минут двадцать, затем услышал негромкое гуденье поднимавшегося лифта. Он напрягся, подавшись вперед и нацелив оружие на дверь.

Ключ заскреб в замке, и вошел Клинг, разомлевший после хорошего ужина.

– Стоять, урод! – рыкнул визитер, направляя на него пистолет. – Ты убил моего брата! И теперь твоя очередь!

Клиг, устойчивый к потрясениям, вошел в квартиру и ногой захлопнул за собой дверь.

– Привет, Луи, – произнес он спокойно. – Только не надо горячиться. – Он поглядел на оружие в руках незваного гостя. – Мы ведь можем обо всем поговорить.

Луи знал, насколько опасен Клинг. Он усмехнулся:

– Никаких разговоров, ублюдок. Тебе конец, и чтоб ты горел в аду!

Когда дуло пистолета поднялось, Клинг, сознавая свою беспомощность, внутренне собрался.

А Луи, не в силах совладать с искушением, решил покуражиться:

– Ты не дал моему брату ни шанса. Он даже не узнал, кто его убил. Но я...

Чьи-то пальцы, похожие на стальные клещи, сомкнулись у него на запястье. Он ощутил нестерпимую боль, пронзившую всю руку, и невольно вскрикнул. Оружие выпало из онемевших пальцев. Он ощутил, как руку ему выворачивают. Стальные крючки вонзились в нерв, отчего все его тело свело от боли. Он не мог сопротивляться. Он лишь смутно сознавал, что руку ему ломают, и закричал.

Клинг стоял неподвижно, наблюдая.

Нго успел беззвучно вернуться в комнату и молчаливой тенью приблизиться к Луи со спины.

Клинг чуть поморщился, услышав, как треснула кость. Луи упал обратно в кресло, почти теряя сознание.

Нго поднял его пистолет. Он поглядел на Клинга, который наблюдал происходящее с удивлением, понимая, что хрупкий вьетнамец только что спас ему жизнь.

– Можно я его убью, сэр? – спросил Нго.

Глаза Клинга расширились от изумления.

– Хочешь убить его, парень?

– Да, сэр. Он меня оскорбил.

– Что ж, как скажешь. От него все равно нужно избавиться, так что если хочешь – вперед. Только подожди, парень, не здесь. Мы же не хотим испачкать нашу чистую квартиру, верно?

– Нет, сэр. Я подумал о гараже.

– Точно. Давай спустим его вниз.

Луи лишь смутно сознавал, что его выволакивают из квартиры и заталкивают в лифт. Каждый нерв в его теле словно горел огнем. Он непрерывно стонал, ничего уже не видя от боли.

Они спустили его в просторный подземный гараж, где стояло почти три сотни автомобилей.

– Вот здесь самое место, парень, – сказал Клинг, привалив Луи к одной из машин.

– Да, сэр.

Клинг, все еще слегка изумленный, уточнил:

– А ты уже убивал раньше, парень?

Нго вытащил пистолет Луи из кармана брюк.

– Да, сэр. Жизнь в Сайгоне не сахар. Чтобы выживать там, мне пришлось многому научиться.

Он подошел к Луи, который барахтался, силясь подняться на ноги.

Клинг словно зачарованный смотрел, как Нго подносит дуло вплотную к виску Луи и спускает курок. Грохот выстрела эхом разнесся по гаражу. Клинг увидел, как голова Луи дернулась назад, а затем массивное тело обмякло.

– Отличный выстрел, парень, – сказал он вслух. – Дай-ка мне пистолет.

Нго передал оружие Клингу, тот вытер его носовым платком, затем, склонившись над мертвым телом, вложил пистолет в безжизненную руку Луи.

– Готово, парень. А теперь пойдем спать.

– Да, сэр. Не хотите кофе или что-нибудь выпить?

Клинг расхохотался:

– Парень! Ты просто нечто! Ты спас мне жизнь. Этого я никогда не забуду.

– Вы тоже спасли мне жизнь, сэр, – негромко отозвался Нго. – И этого я никогда не забуду.

Когда они поднимались в лифте на свой этаж, Клинг спросил:

– А что ты с ним сделал?

– Ах это... В теле полным-полно нервных окончаний. Просто нужно знать, где до них дотронуться. Боль парализует тело.

Клинг фыркнул, надув щеки:

– Говоришь, этот болван тебя оскорбил?

– Да, сэр. Он говорил гадости о вас и обо мне.

Клинг поскреб шею:

– Значит, за это тебе пришлось его убить, да?

– Да, сэр.

Дверцы лифта открылись, и они вошли в квартиру.

– Кофе или что-нибудь покрепче?

– Нет. Иди спать, парень, спасибо тебе.

Нго поклонился:

– Доброй ночи, сэр.

И он вышел.

Клинг подошел к большому панорамному окну, глядя на плотный поток машин далеко внизу.

До него дошло, что он не просто подобрал себе верного слугу, но и обрел надежного партнера, такого же хладнокровного и безжалостного, как он сам.

Совершенно успокоившись, Нго Ви лежал в уютной небольшой кровати, глядя в потолок, на рассеянный свет лампы с прикроватного столика.

Мысленно он вернулся на восемь лет назад, когда выживал на полных опасности улицах Сайгона.

Вспомнил, как мать просиживала целыми днями под палящим солнцем на краю тротуара, окруженная многочисленными кастрюлями с вьетнамской едой, которую она разогревала на маленькой жаровне для всех желающих.

Проходящие мимо крестьяне, тащившие тяжелые грузы, нередко останавливались, чтобы перекусить. Зачастую вокруг матери устраивались, сидя на корточках, человек десять пожилых потных мужчин. За пару ложек еды они давали ей несколько мелких монет.

Когда она в итоге добиралась до своей крохотной каморки, то почитала за счастье, если удавалось выручить за день доллара четыре в пересчете на американские деньги. Остатки нераспроданной еды в многочисленных посудидах она приберегала для Нго и себя.

В то время Нго было тринадцать, он отчаянно бился над своими учебниками, поощряемый американским священником. По вечерам он бегал в маленький кабинет доктора Чи Ву, престарелого специалиста по акупунктуре, который некогда держал процветающую практику, но к этому времени уже начал терять клиентов из-за развившейся дрожи в руках.

Чи Ву было восемьдесят четыре: маленький, иссохший человечек с длинной белой бородой. Нго содержал его кабинет и смотровую, размерами не больше серванта, в стерильной чистоте.

Чи Ву был одинок и словоохотлив, а Нго ему нравился. Он часто рассказывал ему о своей науке и, видя интерес мальчика, с энтузиазмом демонстрировал Нго многочисленные подробные схемы человеческого тела с указанием вен и нервных окончаний.

– Так много бессмысленного кровопролития, – сказал как-то старик. – Вот один человек жаждет убить другого. И что же он делает? Он хватается за пистолет или нож. А знай он то, что знаю я, ему было бы достаточно лишь сжать эту вену или вот эту, и его враг был бы мертв.

Точно так же, если кто-то заслуживает наказания, пусть ему нажмут на этот вот скрытый нерв, и он испытает невыносимую боль.

Говоря все это, старик показывал точки на схеме.

Заметив на лице Нго вежливое недоверие, он продолжал:

– Дай мне руку.

Нго протянул ему руку.

– Вот здесь проходит нерв, – сказал Чи Ву, указывая место. – А теперь я легонько прикоснусь к нему... пожалуйста...

Нго ощутил, как острая боль прострелила плечо и вонзилась в мозг, настолько сильная, что мальчик дернулся.

– Видишь? Если бы я нажал на это нервное окончание по-настоящему, ты был бы уже в агонии.

Нго был потрясен, он слушал старого доктора каждый вечер, впитывая знания, пока не постиг науку причинять смерть и боль. И дело тут было не в нездоровом любопытстве. У Нго были проблемы на улице, и, учась у старого доктора, Нго понял, что его проблемы можно решить.

Последние три субботних вечера подряд, выходя из кабинета врача, он натыкался на Вон Пу, крепко сбитого юнца, поджидавшего его. Тот приказывал Нго отдавать ему все заработанное. Старый доктор платил Нго за уборку в его кабинете два доллара в неделю. Понимая, что Вон Пу может серьезно его покалечить, Нго подчинялся, а возвращаясь домой, говорил матери, что деньги у него украли. Мать смотрела на него с отчаянием. Без этих двух долларов как же она пойдет на рынок, чтобы закупить припасы для своего жалкого ресторанчика?

В очередную субботу Нго снова увидел дождавшегося его Вон Пу: тот цинично усмехался. Нго проворно метнулся в сторону и кинулся в длинный темный проулок. Злобно заревев, Вон Пу побежал за ним. Понимая, что запросто может оторваться от этого громилы, Нго убедился, что заманил врага в самый темный конец, и там остановился. Вон Пу приблизился, ощерившись.

– Отдавай деньги! – заорал он. – А потом я тебе рожу на затылок натяну!

В тусклом свете луны Нго увидел протянутую к нему руку. Его пальцы сомкнулись на нервном окончании, и Вон Пу завизжал, падая на колени. Нго тигром набросился на врага, впиваясь пальцами в жизненно важный кровеносный сосуд. За считанные секунды Вон Пу был мертв.

С того момента Нго без всяких проблем приносил матери два заработанных доллара, хотя ему было интересно, что бы она сказала, если бы узнала, как он избавился от грабителя.

Свой маленький секрет он хранил при себе. Тайна была слишком важная, такими ни с кем не делится.

Еще дважды в следующие два года Нго приходилось совершать убийства, чтобы защитить мать от домогавшихся ее мужчин. Это оказалось очень просто. Каждого из них он выследил, набросился в безлюдном месте и без труда убил.

А потом в квартиру Клинга заявился этот громила и сообщил Нго о своих намерениях, и Нго понял, что этого человека необходимо убить. Было бы так просто уничтожить его на месте, но он понимал нежелание своего господина убивать прямо в квартире.

Нго всегда про себя называл Клинга «господином». В мире не было ничего такого, что он не сделал бы ради него.

Однако он все же убил того человека из пистолета, потому что не хотел, чтобы даже его господин знал о смертоносной силе, заключенной в его пальцах.

Прожив с Клином под одной крышей столько месяцев, Нго догадался, чем зарабатывает его господин. Тот факт, что он наемный убийца, никак не возмутил Нго. Такова жизнь, говорил он себе.

И вот теперь его господин выяснил, что он тоже убийца. Как знать, думал Нго, может быть, господин сочтет его еще более полезным для себя.

Нго погасил свет и мирно заснул.

Спустя два вечера Клинг смаковал бренди после великолепного ужина, состоявшего из стейка под сливочным соусом с перцем, когда раздался телефонный звонок.

Он протянул свою длинную руку и снял трубку.

– Да? – произнес он.

– Это ты, Эрни? – Голос мужской.

– Ну я, если только какой-нибудь сукин сын не вырядился в мою рубашку.

Смешок в трубке.

– Это Счастливчик Лукан.

Клинг поморщился:

– Что, правда? Тот парень, который водит за нос богатых старух... я ничего не путаю?

На другом конце провода раздался еще один смешок, довольно-таки натужный.

– Ладно, Эрни, у каждого свое ремесло.

– И чего же тебе надо?

– Ты все еще берешь заказы?

– Конечно.

– Наклевывается, кажется, весьма недурное дельце, Эрни. Требуется тщательной подготовки. Тебе это интересно?

– Мне интересно все, что приносит деньги.

– У тебя сейчас какая ставка? Работу нужно выполнить безупречно, Эрни. Чтобы без сучка без задоринки.

Клинг пыхнул сигарой. Он не очень-то доверял жиголо вроде Лукана.

– За работу такого рода – триста тысяч плюс расходы.

– Господи, Эрни! Так дорого!

– Конечно, зато работа будет выполнена безупречно, кроме того, подобные дела требуют тщательной подготовки. Так что, Счастливчик, либо да, либо нет. У меня полно денег, в работе я не нуждаюсь. Выбор за тобой.

Повисла пауза, затем Лукан произнес:

– Хорошо. Я все решу. Ты сможешь прилететь через пару дней в Парадиз-Сити, чтобы встретиться со мной?

– В Парадиз-Сити, говоришь? Это к югу от Майами? Конечно, оплатишь все расходы, и я прилечу.

– Я выясню, что можно сделать. Если мне дадут зеленый свет, забронирую тебе номер в мотеле «Звезда», я сам там живу. Идет?

– Конечно, только бронируй номер на двоих, Счастливчик. Я теперь работаю с напарником.

И когда Лукан попытался запротестовать, Клинг, глумливо улыбаясь, повесил трубку.

Чарльз Смит был управляющим и мажордомом у Джеймисонов. Он служил у них с тех пор, как Шерман Джеймисон женился на Шэннон.

Смиту, долговязому, плешивому, со впалыми щеками и крупным носом, особенно сильно выделявшимся на лице, было под шестьдесят. Он обожал Шэннон и недолюбливал Джеймисона, который обычно игнорировал его, лишь время от времени отдавая краткие приказания и возлагая все домашние дела на него и Шэннон, уверенный, что они обязаны справляться безупречно.

Каждое утро ровно в восемь Джеймисон спускался к завтраку, сервированному Смитом. Завтрак Джеймисона неизменно состоял из апельсинового сока, ветчины на гриле, тостов с джемом и кофе.

– Доброе утро, сэр, – произнес Смит, когда Джеймисон вошел в комнату.

Быстрого взгляда на его суровое лицо было достаточно, чтобы понять: Джеймисон не в духе.

Джеймисон буркнул что-то, сел и принялся просматривать финансовые газеты, которые Смит всегда раскладывал так, чтобы Джеймисону было удобно брать.

Смит подал поджаренную ветчину и налил кофе. Он уже достаточно давно наблюдал, как постепенно рушится брак Джеймисонов, и это его печалило.

Шэннон ушла несколько минут назад, чтобы присутствовать на мессе. Когда она вернется, Смит спросит, что готовить на ланч и на ужин. Накануне вечером до него донесся лающий голос Джеймисона, и, слегка встревожившись, он вышел из своей комнаты и прислушался. Он услышал, как Шэннон сказала: «Если тебе нужно раздельное проживание по суду, скажи, но развода не будет». Смит поспешно ретировался к себе. Подслушивание он считал непростительным грехом.

Он понимал, что хозяин хочет наследника. Также он понимал, что его хозяйка делает все возможное. Все это было грустно и тяжело, и Смит переживал за обоих.

– Смит! – рыкнул Джеймисон, нарезая ветчину. – Хочу, чтобы в десять пятнадцать здесь была машина из прокатной конторы «Херц». Позаботьтесь об этом!

Вздвогнув, Смит поклонился:

– Разумеется, сэр. Еще какие-нибудь распоряжения?

– Нет! Обеспечьте мне машину, – отрезал Джеймисон, продолжая жевать.

Покончив с завтраком, он прошел в свой кабинет, прихватив газеты. Смит, слегка озадаченный, договорился с прокатом «Херца», чтобы они подали к вилле «мерседес» ровно в пятнадцать минут одиннадцатого.

Джеймисон устроился за своим письменным столом и кивнул самому себе. Сегодня утром он снова встретится с тем человеком, Луканом. Он, естественно, не собирается ехать к нему в мотель на своем «роллс-ройсе», у которого на номерах предательски красуется «ШД 1»². Он желал сохранить анонимность. Он, конечно, понятия не имел, что Лукан уже навел справки и знает, кто он такой. Если Лукан не предложит ничего путного, сказал себе Джеймисон, он купит услуги кого-нибудь другого.

Убирая со стола, Смит увидел, как подъезжает машина Шэннон. Он заторопился в кухню и приготовил для хозяйки простой завтрак из апельсинового сока и двух тостов с вишневым джемом. Выждав несколько минут, он вошел в лифт, поднявший его в покои Шэннон, которые включали в себя большую гостиную, спальню и просторную веранду с видом на море.

– Доброе утро, мадам, – сказал Смит, входя в гостиную. – Надеюсь, вам хорошо спалось.

Шэннон смотрела в распахнутое французское окно. Она обернулась, и он потрясенно отметил, что выглядит она ужасно. Он понял, что она плакала. Лицо ее было бледным, под глазами залегли темные тени.

– Спасибо, Смит, – безжизненно отозвалась она, направившись к маленькому столу. – Вы, как всегда, пунктуальны.

Смит опустил на стол поднос.

– Что на сегодня, мадам? Ланч? Ужин?

– Ничего. – Шэннон села за стол. – Впрочем, приготовьте мне легкий ланч. Какой-нибудь салат или что-то подобное. Ужинать дома мы не будем. – Она подняла глаза и вымученно улыбнулась. – Прошу вас, Смит, присмотрите за прислугой. Организуйте все.

² Инициалы Шермана Джеймисона.

– Разумеется, мадам. Значит, легкий ланч для вас в час дня.

– Да, пожалуйста.

Смит пошел было к двери, затем остановился:

– Прошу прощения, мадам, насколько я понимаю, вы сегодня играете концерт Сен-Санса.

Шэннон удивленно подняла голову:

– Ну да. В Малом зале. Откуда вы знаете?

– Если мистеру Джеймисону не нужно подавать ужин, я бы очень хотел поехать на концерт, мадам.

И снова Шэннон выказала изумление:

– Я и не знала, что вы увлекаетесь музыкой, Смит.

– Уже много лет, и, когда выпадает возможность, я слушаю ваши репетиции. Билет на концерт я купил. Смогу ли я поехать, или же мистеру Джеймисону потребуются мои услуги?

– Он собирается ужинать в клубе. Знаете, Смит, давайте вы поедете на моей машине. Поможете мне донести виолончель. Скажем, в половине восьмого, удобно?

Смит поклонился:

– Для меня это огромное удовольствие, мадам. – Он снова двинулся к двери и снова остановился. – Могу я быть откровенным, мадам?

Она улыбнулась:

– Я считаю вас безупречным мажордомом и еще другом. Мы живем под одной крышей уже восемь лет. Я привыкла во всем на вас полагаться.

Смит поклонился.

– Я просто имел в виду, что иногда случается что-нибудь непредсказуемое. Я бы хотел, чтобы вы знали, мадам: я всегда к вашим услугам, только скажите.

Он снова поклонился и вышел из комнаты.

Шэннон отодвинула поднос с завтраком и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Тед Конклин, шофер Джеймисона, зажав в руке большую метелку для пыли, отступил на шаг назад, чтобы с восхищением оглядеть «роллс-ройс».

Конклин прошел интенсивный курс обучения в школе водителей «роллс-ройсов», прежде чем Джеймисон взял его на службу. Как и Смит, он работал у Джеймисона с тех пор, как тот женился.

Конклин был приземистый и плотный мужчина около сорока пяти. У него были светлые, пшеничного оттенка волосы и благодушная пухлая физиономия, и они со Смитом были добрыми друзьями. Он жил над гаражом на пять автомобилей в симпатичной трехкомнатной квартире, предпочитая держаться особняком, и лишь изредка присоединялся к остальным слугам за обедом или ужином.

Конклин был буквально влюблен в «роллс-ройсы». Он часами начищал и полировал кузов, регулировал двигатель, постоянно проверял электрику, понимая, что в его действиях нет необходимости, но он это просто обожал.

Он уделял часть своего внимания «кадиллаку» Шэннон, и «порше» тоже, но с другими автомобилями он работал без любви – предметом его безоговорочного обожания был «роллс-ройс».

Заметив подходявшего Смита, он в последний раз махнул метелкой для пыли и отступил назад, любуясь сияющим кузовом.

– Привет, Чарли, – произнес он, когда Смит подошел. – Ну разве не красotka?

Смиту уже надоело выслушивать восторги Конклина по поводу этой машины.

– Очень хороша. Делает тебе честь. Но сегодня утром мистеру Джеймисону не потребуются твои услуги, Тед.

– Значит, он никуда не поедет? – Конклин был разочарован. Ничто он не любил так, как катить в сверкающем «роллс-ройсе» вдоль бульваров, ловя завистливые взгляды других водителей.

– Я только что заказал для него машину у «Херца», – пояснил Смит, стараясь как можно осторожнее донести оглушительную новость.

Конклин был вне себя от гнева.

– Зачем? Прокатная машина? А что не так с «роллс-ройсом» или «порше»?

Шагая по асфальтовой площадке к гаражу, Смит тоже недоумевал по поводу этого странного приказа. Будучи человеком проницательным, он решил, что автомобили Джеймисона с одинаковыми номерами «ШД 1» слишком сильно бросаются в глаза. Джеймисон явно собирается туда, где его не должны узнать. Смит поделился своими соображениями с Конклином.

Конклин кивнул:

– Ага. Наверное, ты прав. Что ж, не мое это дело. Значит, у меня, получается, выходной?

– Да. Он не сказал, понадобится ли ты вечером, так что далеко не уходи.

– В этом он весь! – помрачнел Конклин. – Никогда не думает о других. Я мог бы весь день провести на пляже.

– Так ты и можешь. Я только спрошу, нужен ли ты ему вечером.

Физиономия Конклина просияла.

– Правда спросишь, Чарли? Дай мне знать. Там на пляже одна цыпочка, которая торгует мороженым, строит мне глазки. Может, из этого что-нибудь получится.

– Тед, мне кажется, их браку конец, – негромко произнес Смит. – Но это только между нами. Вчера вечером я слышал, как он требовал развода.

– Да, последние два года все к этому и идет, – заметил Конклин. – Жаль. Он хочет сына. Я могу это понять. Заметь, мне нравится она и я терпеть не могу его, но когда у мужика столько добра, естественно, ему нужен наследник.

– Она не собирается давать ему развод.

– И это я тоже предвидел. Она же католичка.

– Именно. Я слышал, она предлагает ему добиться раздельного проживания по суду.

– Это ничего ему не даст. Он захочет найти другую женщину, которая сможет родить ему сына, так ведь? И он захочет жениться на ней. Чтобы все было чин чинком.

– В том-то и проблема.

Оба приятеля мрачно уставились на большую виллу, затем Конклин сказал:

– Насколько я понимаю, мистер Джей не принимает «нет» в качестве ответа. Он безжалостный сукин сын.

– А миссис Джей убежденная католичка. Ему придется принять ее «нет», – с тревогой отозвался Смит. – Мне кажется, ей лучше всего собрать вещи и съехать от него. Получить право раздельного проживания, и пусть он довольствуется этим.

Конклин почесал затылок.

– Сомневаюсь, что мистер Джей с этим смирится.

– Слушай, Тед, мы с тобой друзья уже целых восемь лет. Если миссис Джей уйдет от него, я уйду вместе с ней. Я не останусь здесь с мистером Джеем. А ты как?

Конклин изумленно уставился на него:

– Уйдешь с ней? Да ты что, Чарли, ты подумай как следует. На кой черт ей будет нужен дворецкий? Она переедет в какой-нибудь маленький домик, будет там пилить на своей виолончели. Ей не нужны будем ни ты, ни я.

– Я ей пригожусь, – негромко ответил Смит. – Она получит кучу денег, если тебя волнует именно это, Тед. И ей понадобится человек вроде тебя, который будет ухаживать за ее машиной и следить за садом. Мне бы хотелось, чтобы ты переехал вместе со мной.

– И бросил эту красотку? – Конклин развернулся, чтобы посмотреть на «роллс-ройс». – Я не смогу, Чарли. Просто не смогу. В любом случае поживем – увидим. Может, все еще образуется так, как мы с тобой даже не предполагаем. Поживем – увидим.

Глава третья

В четверть одиннадцатого утра Шерман Джеймисон с дипломатом под мышкой спустился по ступеням виллы к припаркованному «мерседесу» из прокатной конторы.

Смит стоял наготове и открыл дверцу с водительской стороны.

– Насколько я понимаю, сэр, – начал он, когда Джеймисон устроился в кресле за рулем, – вы не вернетесь ни к ланчу, ни к ужину.

Джеймисон хмуро уставился на него.

– Значит, вы понимаете неправильно! – отрезал он. – Миссис Джеймисон ужинает дома?

– Нет, сэр. Она выступает на концерте.

– К ланчу меня не будет. Но я вернусь к ужину. Принесете мне холодную нарезку в кабинет в восемь вечера, и передайте Конклину, чтобы отогнал эту машину обратно, как только я вернусь.

Смит скрыл свое разочарование. Теперь он не сможет посетить концерт, а Конклину не удастся освободить вечер.

Чопорно поклонившись, он захлопнул дверцу машины.

– Очень хорошо, сэр, – произнес он вслух.

Джеймисон поехал в свой банк.

Кассир за стойкой учтиво склонил голову, когда Джеймисон поставил перед ним дипломат.

– Доброе утро, сэр, – сказал он. – Что я могу для вас сделать?

Джеймисон был самым богатым и самым важным клиентом банка. Его всегда принимали здесь по высшему разряду.

– Положите в портфель пять тысяч однодолларовыми купюрами, – отрывисто проговорил Джеймисон, – и поторопитесь!

Кассир взял портфель.

– Конечно, сэр.

Кассир заполнил форму и протянул Джеймисону на подпись, а затем проворно сложил деньги в дипломат.

Спустя несколько минут, с дипломатом, запертым в багажнике машины, Джеймисон проехал по Морскому бульвару, свернул на шоссе и ровно в одиннадцать утра затормозил у мотеля «Звезда», самого роскошного из многочисленных мотелей с видом на море, которые выстроились вдоль дороги, ведущей на пляж.

Последние полчаса Счастливчик Лукан топтался перед своим домиком, тревожно гадая, не передумает ли Джеймисон. На случай если Джеймисон все же появится, он принял необходимые, по его мнению, меры предосторожности. Спрятанный в гостиной, стоял кассетный магнитофон, который включался автоматически от звука голоса. Лукан твердил себе, что если уж он собирается участвовать в убийстве, то должен суметь доказать, что был всего лишь посредником, на тот случай, если все пойдет не по плану. Если у него будет запись разговора, Джеймисон увязнет так же глубоко, как и Клинг.

Он ощутил облегчение, хотя и не перестал тревожиться, когда увидел, как Джеймисон подъезжает к мотелю.

А Джеймисон играет по-умному, подумал он. Машина из проката. Он до сих пор воображает, что мне неизвестно, кто он такой.

Лукан торопливо подошел к машине.

– Доброе утро, сэр, – произнес он, открывая водительскую дверцу. – Добро пожаловать. Мы сможем спокойно поговорить у меня в номере, там нам никто не мешает.

– Мы будем говорить там, где я сочту нужным! – грубо отозвался Джеймисон. – Садитесь в машину!

– Но...

– Вы слышали, что я сказал?

Лукан обошел автомобиль и сел на пассажирское место рядом с Джеймисоном. Он хлопнул дверцей, выражая свое разочарование оттого, что записи разговора не будет.

Джеймисон тронулся с места.

– Что ж, сэр, я...

– Молчите! – рявкнул Джеймисон. – Поговорим позже.

Господи, подумал Лукан, а этот сукин сын действительно крепкий орешек. Он вспомнил слова Сидни Драйдейла: «Важная персона и чертовски опасен». Он ощутил, как вспотели ладони, и вытер их о брюки на коленях.

Джеймисон, по жесткому, непроницаемому лицу которого было невозможно что-либо прочесть, ехал по дороге, ведущей на пляж, потом свернул в узкий переулок, упиравшийся в широкую полосу песка, за которой начинались песчаные дюны и море.

Переулок заканчивался площадкой для разворота. Здесь Джеймисон остановился и вышел из машины. Оглядел пустынный пляж. Примерно в четверти мили от этого места песок был утрамбован, там люди загорали и купались в море. И с такого расстояния их голоса почти не доносились сюда.

Джеймисон кивнул и сел обратно в машину.

– Вот теперь поговорим. Что вам удалось сделать, Лукан?

Лукан снова вытер ладони о брюки на коленях.

– Я нашел человека, который выполнит работу, – сообщил он.

– Кто он такой, чем занимается? – требовательно спросил Джеймисон, обернувшись к Лукану и сверля его холодным, жестким взглядом.

– Его зовут Эрни Клинг. Он работает на мафию. И если цена подходящая, берет и частные заказы, – сказал Лукан. – Я спросил, свободен ли он сейчас, – он свободен. Прежде чем выкладывать ему подробности, я решил, что следует посоветоваться с вами.

Джеймисон задумался, барабанил пальцами по рулевому колесу, затем произнес:

– Где он живет?

– В Вашингтоне.

– Вы связывались с ним по телефону?

– Да, сэр, но я не упоминал никаких подробностей. Я лишь сказал, что назревает работа, и спросил, свободен ли он в ближайшие три недели. Он сказал, что свободен. Так что, если вы решите задействовать его, он готов.

– Насколько надежен этот человек?

– Уверяю вас, сэр, для работы подобного рода лучшего исполнителя не найти. Он много лет на службе у мафии и ни разу не облажался. Насколько мне известно, он выполнял шесть или семь заказов вроде вашего. Всегда безупречно. У полиции на него ничего нет. Он в высшей степени надежен.

– Какими методами он пользуется?

– Вот этого я не знаю, сэр. Это не мое дело. Об этом поговорите с ним самим.

Джеймисон напрягся:

– Я не собираюсь с ним пересекаться! Ваша работа – выяснить, как именно он осуществит операцию. Вы мой посредник. Это понятно?

Лукан смущенно заерзал.

– Было бы гораздо лучше, если бы...

– Встретьтесь с этим человеком! Объясните ему, что именно требуется сделать, выслушайте его ответ, затем доложите мне результат! Понятно вам?

Как раз этого Лукан не хотел. Он надеялся свести Джеймисона с Клингом, забрать свою долю и смыться.

– Я думал, сэр, что познакомлю вас с ним, – сказал он, – и на этом все. Это же не мой уровень.

Джеймисон сверкнул на него глазами:

– Вы просчитались, Лукан. Если надеетесь получить деньги, вам придется потрудиться. Понятно вам?

Лукан колебался, но алчность пересилила осторожность.

– Я все понял, сэр. Если вы хотите, чтобы я был посредником между вами, можете во всем на меня положиться.

Джеймисон усмехнулся ему недобро и с издевкой:

– Правильно. Значит, мы договорились, что за двести тысяч этот человек устроит несчастный случай со смертельным исходом, который не вызовет у полиции подозрений, а вы будете выступать в качестве моего посредника.

Вот он, решающий момент, подумал Лукан, облизнув пересохшие губы.

– Сэр, я на самом деле спросил Клинга, сколько он берет за идеально выполненное задание подобного рода. – Лукан принялся вытирать потные ладони о брюки. – Он сказал, четыреста тысяч, и торговаться он не намерен.

– Вы же не пытаетесь обвести меня вокруг пальца, Лукан? – (От угрозы, прозвучавшей в голосе Джеймисона, Лукан дернулся.) – Потому что в противном случае вам придется об этом пожалеть.

– Я передаю вам лишь то, что он сказал. Четыреста тысяч долларов плюс текущие расходы, и идеальный результат гарантирован.

Джеймисон смотрел сквозь запыленное лобовое стекло на море, размышляя.

Чтобы избавиться от Шэннон, он без колебаний выложил бы миллион или даже два. Он подумал о Тарнии. Она станет его женой, родит ему сына, и как же сильно изменится тогда его жизнь!

– Что имеется в виду под «текущими расходами»? – спросил он.

– Чтобы все прошло гладко, Клингу придется пожить здесь недели две-три. Как мне кажется, пара тысяч долларов покроет его затраты.

– Я заплачу четыреста пять тысяч за безукоризненно выполненную работу, – сказал Джеймисон. – Не больше. Это понятно?

Лукан сделал глубокий вдох. Это означает, что ему лично достанется еще сто тысяч сверху.

– Понятно, сэр.

– Когда именно вы приступите к делу?

– Я договорюсь с Клингом, чтобы уже завтра он был здесь. Мы обсудим с ним детали операции. И послезавтра я изложу вам его соображения.

Джеймисон кивнул:

– Значит, послезавтра я заеду за вами в мотель в одиннадцать утра и мы окончательно обо всем договоримся.

– Да, сэр.

Джеймисон вынул из замка зажигания ключ и протянул Лукану.

– Откройте багажник, – велел он. – Там вы увидите портфель. Возьмите его. Внутри пять тысяч долларов на неотложные текущие расходы.

Лукан успокоился. Он как раз собирался просить денег, чтобы вызвать Клинга в Парадиз-Сити.

– Да, сэр.

Он вылез из машины, открыл багажник и забрал дипломат.

Когда он, обнимая портфель, сел в машину, Джеймисон произнес:

– А теперь слушайте меня внимательно, Лукан. Даже не пытайтесь вести со мной нечестную игру. – Он подался вперед и большим пальцем прижал к лобовому стеклу комара, летавшего рядом. – Раздавлю, как раздавил этого комара. У меня длинные руки, Лукан. Помните об этом.

Лукан посмотрел в эти холодные, недобрые глаза и содрогнулся.

– Да, сэр. Уверяю вас, с этим не будет проблем.

Джеймисон в молчании довез Лукана до мотеля.

– Послезавтра в одиннадцать утра, – повторил он.

– Да, сэр.

Лукан выбрался из машины и торопливо вошел в номер, чтобы позвонить Клингу.

Пока Джеймисон ехал по песчаной дороге к своему гольф-клубу, он обдумывал встречу с Луканом.

Он ждал, что Лукан станет поднимать цену, потому не расстроился. На самом деле, если бы Лукан согласился на изначальное предложение в двести тысяч, Джеймисон был готов отказаться от его услуг. Человек, неспособный заключить сделку, ему не нужен.

Ладно, сказал он себе, все по порядку. Все теперь зависит от того, что предложит профессиональный убийца. Если он не найдет гарантированного способа убрать Шэннон, не вызвав подозрений, говорил себе Джеймисон, операцию все еще можно отменить. Затем он подумал о Тарнии. Она дала ему месяц. Время поджигает. Он обязан за этот месяц избавиться от Шэннон.

Когда он заехал на парковочное место перед зданием клуба, навстречу вышел Джей Уилбер.

– Привет, друг! – воскликнул Уилбер. – Денек сегодня как будто специально для гольфа.

Джей Уилбер был президентом «Национальной Калифорнийской страховой корпорации». Приземистый колобок, одного с Джеймисоном возраста, не такой богатый, как Джеймисон, он все же был достаточно крупным бизнесменом. В Парадиз-Сити он приезжал на сезон, главным образом для того, чтобы поиграть в гольф. Они с Джеймисоном были знакомы несколько лет и отлично ладили друг с другом. Оба играли очень прилично и всегда боролись на поле на равных.

– Привет, Джей! – ответил Джеймисон, вылезая из машины. – Как дела?

– Жаловаться не на что. – Уилбер широко улыбнулся. – А ты как, все делаешь деньги?

– Тоже не могу пожаловаться. Может, перехватим быстренько по гамбургеру и пойдем на поле, пока не набежали всякие?

Уилбер рассматривал «мерседес» из прокатной конторы.

– Э! А это что такое? Где твой навороченный «роллс-ройс»?

– Мой механик устроил ему профилактику, – сжато ответил Джеймисон и двинулся в здание клуба.

В баре было пустынно. Все члены клуба были на свежем воздухе, на трех полях, окружавших клуб.

Джеймисон и Уилбер жевали гамбургеры, запивая пивом, и обсуждали бизнес. Оба играли на фондовой бирже и периодически обменивались информацией.

– На нас надвигается адская рецессия, Шерри, – сказал Уилбер. – А все потому, что эти новоявленные идиоты все тратят и тратят на вооружение.

– Наверное, ты прав, – отозвался Джеймисон.

Уилбера он слушал вполуха. Он пообещал себе, что днем позвонит Тарнии и узнает, сможет ли она поужинать с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.